

**Формирование стереотипного образа литовцев в массовом сознании и на страницах периодической печати Польши в межвоенный период (1918-1939 гг.)**

**Научный руководитель – Саржан Анатолий Афанасьевич**

*Сайганов Вадим Сергеевич*

*Аспирант*

Донецкий национальный университет, Исторический факультет, Кафедра истории славян, Донецк, Украина

*E-mail: saiganov\_vadim@mail.ru*

Проблема исследования стереотипных образов и представлений народов друг о друге, некогда бывшая сферой исключительно культурологического изучения, привлекает всё большее внимание историков. Массовые стереотипы, формирующиеся в общественном сознании населения, становятся объектом исследования в силу важности своего влияния на межгосударственные и межэтнические отношения. Всё это означает, что с исторической точки зрения данные явления требуют как можно более тщательного исследования и сопоставления их с определёнными тенденциями и событиями вокруг соответствующего народа или государства.

Период между двумя мировыми войнами, часто именуемый «интербеллум» (1918-1939 гг.), выбран как хронологический отрезок исследования неслучайно. Это период роста влияния СМИ на общественное мнение непосредственно в Восточной и Центральной Европе, период формирования национальных государств и установления новых границ, которые совершенно иначе конфигурировали межэтнические контакты и представления жителей этих стран друг о друге. Польша, как государство, имевшее антагонистические, враждебные взаимоотношения практически со всеми своими соседями, активно использовало свою массовую периодическую печать для формирования и развития негативных образов соседних стран, что служило в первую очередь политическим целям.

В глазах представителей польского населения как собственно Литвы, так и Виленщины, сильным был образ литовца-«хама». Не только потомки шляхты, но и простые крестьяне рассматривали последних как находящихся заметно ниже в социальной иерархии. Супружеские отношения с литовцами для представителей этого меньшинства считались недопустимыми. Даже представители виленской интеллигенции, которые часто формировали общественные взгляды, рассматривали своих соседей как «сброд», лишённый всякой истории и культурных традиций и высших чувств, таких как самоотверженность, благодарность и дружелюбие. Особенно сильными такие настроения были среди поляков-жителей Литвы, которые на собственном опыте испытали агрессивное отношение Литовского государства и лишились своих земельных владений в ходе реформ, либо даже были вынуждены покинуть страну [1].

Литовцев также считали лишёнными рыцарских традиций и понятия чести. Утверждалось, что в любом сражении они предпочитали хитрость честному бою, поскольку для последнего не имели достаточной отваги. В духе своих предков-простолюдинов, они уважали силу и презирали слабых. По мнению поляков, литовцы не гнушались добивать тех, кто уже потерпел поражение от более сильного противника, а при столкновении с кем-то действительно опасным немедленно в страхе подчинялись. С другой стороны, они вполне были способны на предательство при любом удобном случае. Утверждалось, что «литовским массам импонирует только сила, и только при её использовании начинает она проявлять достаточную долю своего холопского разума». Польский житель Ковенщины

был ещё более категоричен в своих дневниковых записях: «Над литовцем обязательно должен находиться пан с нагайкой» [2].

Польские карикатуры межвоенной эпохи рисовали литовцев примитивными, небритыми дикарями в лаптях и меховых головных уборах, одетых в домотканную одежду из шкур животных. Такой образ характеризовался заимствованным из литовского языка словом «żmogus». Хотя в оригинале это слово означает всего лишь «человек», польская печать вложила в него новый смысл, отождествив с простаком, глупым и невоспитанным человеком - то есть тем, кем поляки и видели литовцев. На рисунках они пользовались палками и дубинками, выглядели совершенно отсталыми, их местами обитания были леса и болота [3]. Они напоминали скорее древних пещерных людей, дикие африканские племена или почерпнутые у Длугоша представления о «диких жмудинах», чем жителей соседней европейской страны. Общая характеристика такого образа напоминала возникший гораздо раньше в шляхетской среде собирательный взгляд на крестьянина, примитивного, по своему уровню развития напоминающего ребёнка. Он, как и литовец, считался простодушным и наивным существом, которое легко поддавалось любым манипуляциям [4]. Даже склонность к жестокости объяснялась не каким-то разумным решением, а исключительно из-за дикарской природы и менталитета.

В межвоенных газетах и журналах Польши нередким явлением было шуточное отношение к литовскому языку, который изображался как слаборазвитый, «некультурный». Окончания -ис, -ас, широко распространённые в Литве, по мнению польских газетчиков, делали жителей этой страны невероятно комичными. Сатирические издания нередко добавляли эти «типичные» окончания к самым различным словам в пародийных целях. Например, от старого польского слова «boćwina» (буряк) было образовано прозвище «Papas Boćwinas», которое стало одним из нарицательных наименований литовцев в польской периодической печати. «Kurier Warszawski» и, в особенности, сатирическое издание «Mucha» активно использовали этот приём для иллюстрации различных политических событий межвоенного периода, так или иначе связанных с Литвой [5, 6].

Таким образом, стереотипный образ литовца в массовом сознании жителей Польши эволюционировал из «фольклорного» представления, черпавшего сведения о жителях соседней страны в национальной памяти и литературе, в продукт периодической печати как основной части государственного пропагандистского аппарата. Страницы газет рисовали литовцев в качестве крестьян, дикарей и агрессивных простолюдинов, лишённых якобы сугубо польских благородных черт и представлений о чести. Карикатурный элемент низводил жителей Литвы до уровня первобытных людей, пытающихся подло за спиной «большого брата» дружить с Германией и СССР. Их наделяли рядом отрицательных качеств, присущих польскому представлению о собственных крестьянах, и в особенности такие представления доминировали среди жителей пограничья и польского национального меньшинства внутри Литвы. Любой же положительный элемент рассматривался с поправкой на «простоту» - этим объяснялось, к примеру, наивное гостеприимство, любовь к семье и стране, либо врожденный музыкальный талант. Поляки рассматривали литовцев как невоспитанных, взбалмошных детей, упёртых, но при этом неспособных к принятию самостоятельных взвешенных решений.

### Источники и литература

- 1) 1. Kodź S. Po powrocie z Kowna // Kurier Warszawski, 1928. - № 14. – s. 5.
- 2) 2. Schummer-Schermentowski E. Pod znakiem Pogoni. – Lwów, 1935. - s. 83-87.
- 3) 3. Mucha [Электронный ресурс], 1921. - № 46. – s. 1. Режим доступа: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/331654/display/Default>

- 4) 4. Mucha [Электронный ресурс], 1930. - № 22. – с. 3. Режим доступа: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/publication/130131#structure>
- 5) 5. Mucha [Электронный ресурс], 1936. - № 22. – с. 1-2. Режим доступа: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/331027/display/JPEG>
- 6) 6. Mucha [Электронный ресурс], 1937. - № 43. – с. 2. Режим доступа: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/330968/display/JPEG>